

Валерий Голофаств: «...И чудо сделал я»

Стихи, хокку

Я написал несколько биографических статей о Валерии Борисовиче Голофастве (1941-2004), последняя из них «Разговоры с Валерием Голофаством: мысленные и реальные» опубликована в предыдущем выпуске «Телескопа». Во всех из них я подчеркивал, что в понимании Голофаства-социолога, в частности — особенностей его текста, важно исходить из того, что в юности он серьезно занимался поэзией. По возможности, приводились некоторые стихи Голофаства и мнение о его поэтическом творчестве крупнейшего специалиста по андеграундной поэзии 60-х Константина Кузьминского.

В указанной статье Голофаств был представлен тремя десятками писем из свыше 300, написанных мне в 2002-2004 годах. Приведу отрывок из письма Валерия (11 июля 2003 года), в котором он вспоминает последние годы своего поэтического периода и его завершение: «На филфаке я учился в 1960-65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60-61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминско-

го (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзков. Ушел по личным мотивам — меня завалили по языку — а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Благодарю Оксану Голофаств, дочь Валерия Голофаства, за предоставленную мне возможность ознакомиться с большим числом стихов ее отца и подготовить эту публикацию. К сожалению, лишь несколько приводимых стихов датировано, первое — 1959 годом. В свете сказанного выше следует понимать, что в 21-22 года он осознанно прекратил свои поэтические поиски.

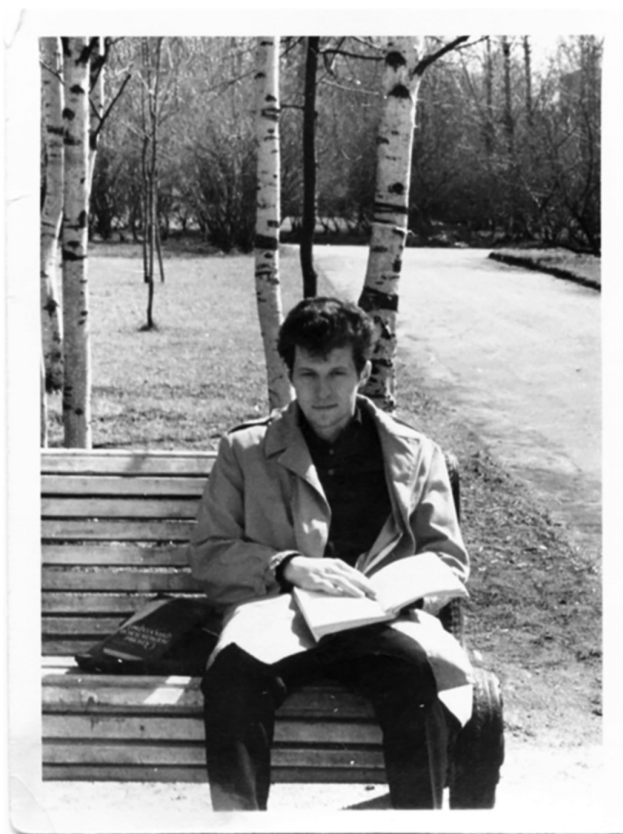
В приводимых стихах видна молодость, поиск, переживания и высокая поэтическая культура. Стихи открыли мне многое в Валерии Голофастве. Уверен, по-новому его увидят и те, прежде всего, петербургские социологи, которые помнят его. И допускаю, что, ознакомившись с Голофаством-поэтом, захотят лучше узнать Голофаства-социолога.

Борис Докторов

*Я не приду к тебе, ты знаешь —
не приду.
Зачем же светишь маяком окна упорно?
Зачем же я опять по улицам бреду?
«Спеши, шуришат мольбой в ушах,
Остался шаг, последний шаг...»
Я не приду, Я не приду.
А клены все шуришат!
Все пальцы улиц тянутся
к запястью.
Но все равно понять я не смогу,
Что значит счастье?
Что такое счастье?
Я не отвечу, если не смогу.
Хоть знаю, ждешь. И мучишься.
И маешься.
И в темноту отчаянно глядишь;
И сердце бьет с навязчивостью
маятника.
И воздух ходит холодом в груди.
Так что же думать мне?
Так что же мне выдумывать?
Но я опять по улицам бреду.
И клены шепчут, будто бы в бреду:
Я не приду, я не приду!
А может быть — приду.*

1959 г.

*Был старый мост.
Заброшенный, забытый
Водителями всех автомобилей.
Направо и налево, темной-темной,
Знакомой по дневным отображеньям
Невнятно ощущалась река,
А берега, светящиеся странно,
Далекими призывными огнями,
Нам неожиданно казались островами
В пространстве улывающей Земли.
И ветер дул легко и монотонно.*

*И мы шептали дерзкими губами
Прерывистые страшные слова...
Остановись, мое воспоминанье,
Будильником звучащее в руках!
Был длинный мост. И звездное молчанье
В испуганных твоих ночных зрачках...*

15-16 янв. 1961 г.

(Из Грига)

Постучи в этот дом — не ответят.
Загляни в то окно — не поймут.
Поздороваешься — не заметят.
Долго будут смотреть. И уйдут.
И останется память: в потемках
Кто-то смотрит — рука и лицо ...
И услышишь потом, как
Тонко звякнет дверное кольцо.

Мы косвенно затронуты войною.
Мы прямо изувечены потом.
Нас исправляли нищенской сумою,
Очередями, лестью и трудом.

Мы шли вперед с закрытыми глазами.
Мы привыкали лгать и умирать.
И тайными горячими слезами
Нас по ночам оплакивала мать.

И всё-таки, из пепла и из кала,
Которым обливали нас потом,
История нас к будущему звала
Своим изорванным и гневным ртом.

И всё-таки, пока на полигонах
Гуляли смерчи и горел песок,
О нас легенды в мчащихся вагонах
Рассказывал немолчный шепоток.

Мы не исчезнем. Как бы нас не гнали.
Из ям, из шахт, с расстрелов — мы придем.
И мы расскажем всё, что мы узнали.
После войны, в которой мы умрём.

Рассвет в Больших Колпанах под Гатчиной 1963 г.

Я выйду на улицу, Дымною гарью
Мне ветер пахнет в лицо.
Я буду искать, я найду тебя, Марья.
Россия, Россия со всех концов...
Я выйду, никто мне не скажет: останься.
И буду идти на шепот: приди.
А сердце колотиться бурей восстанья,
И ворот, распахнутый на груди.
Заводы и степи, тайга и болота,
И хохот в ушах, и злые глаза.
Я буду вставать, непосильем измотан,
Брать силу у солнца и у арбуза.
Живое, приросшее корнем к дереву,
Куда заведет меня сердце мое?
Но где-то во сне, как в таинственном тереме,
Я помню, я видел — счастье твое.
С деревьев каплет. Тишина.
С разбега бешено светящей
Врывается в окно луна
Ракетою ненастоящей.
Дождь кончился. Метеоритный.
С деревьев падают, светясь,
Не капли — камни в четком ритме
На землю, пенясь и клубясь.
Все вновь меняется и дышит,
И воздевает руки вверх,
Но что он слышит, что он слышит

1962 г.

Один для всех, один за всех?!
Оставьте, люди. Будьте сами
Сильнее всех. Пусть дождь идет,
Луна летит под небесами
И небо синее цветет!
Пусть все — как прежде. Счастье — рядом:
Стоять и думать о земле,
И провожать влюбленным взглядом
Миры в бездонной глубине.

Я все надеялся на чудо:
А вдруг, а вдруг...
Бумагу кистью трогать буду —
И выйдет Луг.
Но ничего не получалось,
А время шло.
Бумага корчилась, смеялась,
Рвалась назло...
Но я работал, как в упряжке,
Рабочий вол. И было тяжело,
Что лист молчал.
Так проходили дни и ночи.
Желание росло.
И, наконец, не стало мочи
Мычать без слов.
То из груди просилась песня.
И я решился вдруг.
И падали слова отвесно,
Как капли в дождь на луг.
И зазвенела и запела
Зеленая земля.
То чудо чудное поспело.
И чудо сделал я.

Когда ты ходишь, как побитый вор,
И этот мир бесстрастен, как начальник,
Постой в уборной, погляди во двор,
Приди на кухню и наполни чайник.
Пока вода бормочет, как старик,
Сосет и брызжет, докури окуроч,
Вьнь кофе, помолчи, поговори
С соседками. Встать кофе. Пенной бурой
Он подойдет и запахом толкнет,
И ты качнешься и уйдешь спокойно,
Где в комнате — стаканы на столе
И маленькая чашка человека,
Который знает в этом деле толк.
Какая радость — медленно тянуть,
Бездумно думать, внутрь сосредоточась,
Хороший кофе. Только бы молчать,
И это будет самой лучшей жизнью...

Ты на проспекте Маклина живешь,
Ты ничего во мне не понимаешь,
Ты кофе пьешь, пирожные жуешь,
Ты медленно ресницы поднимаешь
И снова этот взгляд, задумчив и глубок...
И всё-таки, откуда это чувство
Лежащего безропотно у ног
Бессмертного искусства?

Угрюмо едет на завод.
 Ну почему мы так угрюмы,
 Так некрасивы и скучны?
 Стаканы, вместо легких рюмок,
 Тяжелые глухие сны.
 Витрины пыльные и злые,
 Столовые, как для врагов,
 И рестораны, как пивные,
 Пивные, словно для воров.
 А туфли, а костюмы, шляпы?
 А чем мы дышим, что мы пьем,
 Во что играем, с кем мы знаемся?
 И только ночью к женам льнем...
 И нам тоскливо и привычно.
 Неинтересно и смешно. -
 Так мы живем, такой обычай,
 И нам как будто все равно...

ХОККУ

Хокку — одна из самых кратких в мире форм выражения. Редкий афоризм может поспорить с ней в краткости, Даже сонет практически умер. Хокку живет уже много столетий. Ограничения в технике хокку трудно выполнить в русском языке, вот почему русские хокку похожи скорее на переводы с японского.

Валерий Голофаств

Рассвет над рекой
 И туман — все, как всегда!
 Но ведь мы — люди...

Глубокоглазый
 В зыбке из ивовых лоз.
 Поздравьте отца!

Люттик в канаве.
 Оступится конь — примнет.
 Так что же ты ждешь!

Стучусь в твою дверь,
 Слышу, ты ходишь за ней.
 В стекло — мотылек...

Меж алых маков
 Желтый цветочек найти.
 Это бессмертник.

Помнится радость:
 Запах и пар от лотков -
 Зимой пирожки.

Незавершенный
 Портрет повернут к стене -
 Болен художник.

Как солнце в окно,
 Где ветер дыру прорвал,
 Хочу я к тебе.

Неотцветающим
 Скука какая пылиться!
 Упал лепесток.